

УДК 94(470.41):37.014"18/19"

***НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX –
НАЧАЛА XX ВЕКА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ***

Магсумов Т.А.,

доктор исторических наук, профессор,

Набережночелнинский государственный педагогический университет,

Россия, Набережные Челны

Аннотация. Анализируется современная историография начального образования в Казанской губернии XIX – начала XX века. На основе систематизации и критического обзора исследований последних десятилетий выявлены основные направления изучения темы: институциональная история, социокультурная антропология учительства и ученичества, экономика и управление образованием. Автор приходит к выводу о неравномерной разработанности проблематики, выделяя перспективные направления для дальнейшего изучения, включая анализ региональной периодики и частных учебных заведений.

Ключевые слова: начальное образование, Казанская губерния, историография, учительство, земские школы, уездные училища, социальная история образования.

***PRIMARY EDUCATION IN KAZAN GOVERNORATE IN THE 19TH –
EARLY 20TH CENTURIES IN THE LIGHT OF MODERN HISTORIOGRAPHY***

Magsumov T.A.

doctor of philosophy, Professor,

Naberezhnye Chelny state pedagogical University,

Russia, Naberezhnye Chelny

Abstract. The article examines the modern historiography of primary education in Kazan Governorate during the 19th – early 20th centuries. Based on a systematic and critical review of research conducted over recent decades, the author identifies the main areas of study: institutional history, sociocultural anthropology of teachers and students, and the economics and management of education. The conclusion is drawn that the subject has been studied unevenly, and promising directions for further research are outlined, including the analysis of regional periodicals and private educational institutions.

Key words: primary education, Kazan Governorate, historiography, teachers, zemstvo schools, district schools, social history of education.

В современной историографии наблюдается устойчивый интерес к региональным аспектам развития народного образования, что связано с поиском новых моделей изучения социокультурных процессов в Российской империи. Казанская губерния, как крупный полиэтничный регион и центр Казанского учебного округа, представляет собой уникальный объект для изучения как общих закономерностей, так и региональной специфики становления начальной школы. Особую значимость обращение к историографическому анализу приобретает в контексте расширения источниковой базы и пересмотра устоявшихся оценок советского периода.

Цель статьи – систематизация и критический анализ основных направлений изучения начального образования в Казанской губернии XIX – начала XX века в трудах отечественных историков рубежа XX–XXI веков, выявление проблемных и перспективных аспектов исследовательского поля.

К числу основных направлений современных исследований начального образования в Казанской губернии можно отнести институциональную историю и государственную политику. Примером такой работы выступает статья А.В. Арсентьевой и А.П. Петряниной, системно раскрывших

дореволюционную историю Чебоксарского городского училища [3]. Развитие земской школы четко просматривается в трудах М.С. Низамовой [6], содержащих интересный фактический материал и огромные пласты статистики, позволившие автору обобщить многие тенденции земского школьного строительства.

Редкая источниковедческие проблемы истории народного образования ограничены статьей Н.А. Арчебасовой, сделавшей выводы о недостаточности степени использования материалов периодики, особенно местной, в исследованиях по истории образования в Казанском учебном округе [2].

Историческая антропология учительства и ученичества является, пожалуй, у историков темой самой популярной. Особенности материально-бытового положения раскрыты на примере народных училищ Г.В. Ибнеевой и А.И. Шакировой [4].

Гендерное выравнивание в начальном образовании исследует Ю.В. Железнякова, выявившая серьезные точки роста женского образования в годы войн начала XX столетия [5], и это несмотря на то, что в годы Первой мировой войны существенно сократилось земское финансирование [7].

Исследования в области экономики и управления начальным образованием остаются редкими и представлены единичными работами [9].

В центре внимания исследователей стояла подготовка учителей для начальной школы, особенно в свете приходящего на этот год 150-летнего юбилея педагогического образования в Татарстане (с открытия Казанского учительского института в 1876 году). Изученность всех учебных заведений, готовивших учителей, подтолкнула исследователей обратиться к изучению истории дополнительного профессионального образования педагогов [1; 10].

Важным итогом работы над темой стала кандидатская диссертация А.И. Шакировой «Становление и развитие уездных училищ Казанской губернии в первой половине XIX в.» [8].

Диссертационное исследование А.И. Шакировой посвящено одной из важных проблем в истории российского образования и социальной модернизации – формированию и функционированию системы начальных учебных заведений на региональном уровне в первой половине XIX века. Уездные училища (условно тип высшей начальной школы), созданные в «дни Александровых прекрасное начало» как форма социально-образовательного лифта, позволявшего, по его окончании, поступить в гимназию, в 1828 году были лишены права на автоматическую преемственность с гимназиями, став элементом политики социальной сегментации и превратившись в *de jure* сословно-замкнутый тип школ. Тем не менее опыт их дальнейшего функционирования, включая увеличенный срок обучения и неплохие профессиональные педагогические кадры, показал не только жизнеспособность этих школ, но и отразил необходимость повышения статуса и уровня получаемого в них образования. Это привело к преобразованию преобразование в 1872 году многих уездных училищ в городские, пусть и остававшиеся сословными, нацеленными на уменьшение представительства низших городских слоев в составе поступающих в гимназии, но уже шестилетние, с педагогами-выпускниками учительских институтов, и, во многом за счет расширенного куррикулума, дававшие право на поступление во многие типы средних профессиональных учебных заведений.

Полагаю, что *актуальность темы* убедительно обоснована автором. Соискатель справедливо указывает на то, что уездные училища являлись базовым, массовым звеном образовательной системы Российской империи. Изучение их становления в Казанской губернии – одном из крупнейших и полиэтничных регионов страны – позволяет не только реконструировать региональную специфику, но и выявить общие закономерности и механизмы реализации государственной политики на местах. Работа отвечает на вызовы времени, подчеркивая важность преемственности традиций и учета

исторического контекста при проведении современных образовательных преобразований. Таким образом, исследование имеет высокую теоретическую актуальность для исторической науки и практическую – для современной педагогической практики и органов управления образованием.

Остановлюсь подробнее на *степени обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций*. Научная состоятельность диссертации не вызывает сомнений. Представленная к защите работа отличается высоким уровнем аргументированности. Основные научные положения, выносимые соискателем на защиту, логично вытекают из заявленного задачами содержания работы и подкреплены солидной источниковой базой. Выводы автора логичны, последовательно вытекают из анализа представленного материала. Автору удалось успешно решить все поставленные во введении задачи.

Диссертация А.И. Шакировой представляет собой завершенное, самостоятельно выполненное научное исследование. Структура работы логична и соответствует поставленным задачам. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, а также содержательных приложений.

Во Введении полноценно представлены общие положения работы. Особого внимания заслуживает глубокий историографический обзор, структурированный по шести проблемно-тематическим направлениям, что свидетельствует о высоком уровне освоения автором научной литературы по теме диссертации. Такой подход, реализованный внутри направлений в хронологическом ключе, позволил уточнить историографическую новизну решаемых автором вопросов.

Первая глава представляет собой обстоятельное исследование институциональных основ системы уездных училищ в Казанской губернии. Автор успешно решает задачу по реконструкции управленческой и финансовой моделей их деятельности.

Весьма интересен параграф 1.1. «Уездные училища в правительственной концепции развития образования в первой половине XIX в.». Принципиально важными в нем было выявление причин неуспешности этого типа школ («в первой четверти XIX в. народные училища губернии владели жалкое существование», с. 43 диссертации), включая и отсутствие связей с местным обществом. Соискателем детально проанализирована эволюция правительственного курса от либеральных экспериментов начала царствования Александра I к прагматичной сословной системе Николая I. Давая обстоятельную картину образовательной политики Николая I, автор останавливается не только на смене либерального курса, но и на ряде позитивных моментов в развитии уездных училищ, таких как введение должностей почетных смотрителей (для улучшения финансирования), сохранение практики профессорских обзоров учебных заведений и т.п.

Автор убедительно показывает эволюцию от принципа сословности (Устав 1804 года) к сословному принципу (Устав 1828 года). Однако следовало бы более четко прописать, насколько принцип сословности был реализован на практике в самой Казанской губернии. Имеющиеся в тексте третьей главы данные о доминировании мещан и куда меньшем числе крестьян уже в 1821 году (с. 147-148 диссертации) позволяют предположить, что декларируемая доступность наталкивалась на серьезные социальные и экономические барьеры (например, плата за обучение с 1819 года) еще до формальной отмены принципа. Был ли разрыв между законодательством и реальностью столь же существенным, как и разрыв между уставами? Обосновывалось ли это только экономическими причинами?

Во втором параграфе первой главы очень обстоятельно описана система внешнего и внутреннего управления школами, раскрыты полномочия должностных лиц, финансово-управленческие проблемы в исполнении занимаемых должностей (например, практика назначения штатного смотрителя

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ДНЕВНИК НАУКИ»

на две школы (в двух городах) при невыдаче ему средств на разъезды (начали выдаваться в качестве прибавки в 1834 году), с. 65 диссертации), внутришкольные управленческие конфликты, практики формирования управленческой отчетности. Положения о ключевой роли директоров и штатных смотрителей в реализации политики на местах аргументированы богатым фактическим материалом (с. 53-58 диссертации). Автор справедливо отмечает их двойственное положение: обладая широкими полномочиями по надзору, они оставались в полной зависимости от центра, что порождало бюрократическую инерцию. Анализ деятельности конкретных персоналий придает исследованию необходимую глубину.

Касательно третьего параграфа – «Формирование сети уездных училищ в Казанской губернии и развитие их материально-технической базы», полагаю, что его нужно было сделать в главе вторым, пока же получается, что управляющая подсистема опережает само создание управляемого объекта. Страницы этого параграфа раскрывают сложный и долгий процесс создания новых учебных заведений, частью планомерно формируемых на базе главного и малых народных училищ, показывают вклад местных деятелей (включая историка и мецената Н.С. Арцыбашева) в развитии школьной сети. Вывод о том, что формирование сети училищ шло медленно из-за хронического недофинансирования, а развитие материальной базы обеспечивалось за счет смешанной модели, является одним из центральных в работе.

Следует отметить внимание автора к сразу открывшимся в школах приготовительным классам, но автор в контексте их оценки дает им такую характеристику: «Их наличие показывает, что элемент преемственности между школьными ступенями сохранялся и при Николае I, несмотря на его политику организации образовательного пространства на сословных началах» (с. 75 диссертации). Приготовительные классы и во второй половине века – это способ “доведения” знаний учеников до минимально приемлемого уровня,

позволяющего ему начать учиться в основных классах учебного заведения, и сам соискатель это далее на той же странице признает: «без подготовительного класса дети не смогли бы поступить в уездное училище». Существенное внимание к школьной гигиене со стороны автора, обусловленное эпидемиологической ситуацией 1830-х – 1840-х годов, позволяет и мне, как читателю и исследователю школьной жизни, проследить историческую динамику и практику внедрения гигиенических норм в работу образовательных учреждений.

Вторая глава, посвящена «человеческому» измерению темы (и здесь параграф об учащихся, идущий в третьей главе, выглядел бы уместнее). Автору удалось не просто описать статус учителя, но и показать его бытовые реалии, мотивацию и жизненные стратегии.

А.И. Шакирова в первом параграфе второй главы мастерски реконструирует социальный портрет учителя уездного училища. Правомерно она описывает разницу в статусе учителей-предметников, законоучителей и учителей рисования и чистописания. Анализ формулярных списков позволяет соискателю сделать закономерный вывод о росте образовательного уровня учителей к середине века (хотя и с сохранением доминирования выпускников гимназий). В работе показана неоднородность социального происхождения преподавателей (выходцы из духовенства, мещан, дворян) и их тяжелое материальное положение. Исследование этических норм поведения и примеров дисциплинарных нарушений делает картину живой и объемной. Особенно интересен анализ карьерных траекторий конкретных персоналий. В контексте исследования у меня возник вопрос: как решалось противоречие между тем, что выпускники университетов имели право на чин более высокого класса (с. 112 диссертации), чем сама должность педагога уездного училища (с. 111 соответственно)? Не оказывало ли это негативного влияния на их привлечение в уездные училища?

В параграфе «Материальное положение учителей уездных училищ» автор демонстрирует добротный анализ экономической составляющей. Вывод о том, что низкие оклады и плохие жилищные условия вели к высокой текучести кадров, является важным и обоснованным. Особенно показательны в этом плане заработки законоучителей, коим первоначально не были заложены оклады на преподавание. Примечательны страницы диссертации о высокой нагрузке учительского персонала, вынужденного заниматься работой по совместительству, репетиторством, летними сельхозработами, кои могли вестись даже на приусадебной училищной земле (с. 137 диссертации), что существенно ухудшало и здоровье учителей (с. 139 диссертации). Рассмотрение пенсионного законодательства в контексте общей социальной политики государства также заслуживает высокой оценки. Автор делает важный вывод о положительной динамике: к середине века, благодаря правительственным мерам, жалованье было упорядочено, появились надбавки, а пенсионное законодательство стало более четким, хотя и не распространялось на всех. Вообще, научная аргументация автора находится на высоком уровне. Все выводы в работе подкреплены доказательствами, что делает полученные результаты объективными и достоверными.

Третья глава диссертации дает многостороннее представление о внутренней жизни уездного училища – от тех, кто сидел за партами, до того, что было написано в учебниках.

В параграфе 3.1 «Учащиеся: численность и социальный состав» убедительно представлена динамика социального состава учащихся. Спад доли крестьян в 1830-е годы и последующий рост к 1858 году, а также увеличение доли купечества – эти данные хорошо иллюстрируют влияние сословной политики государства на доступность образования. Показано, что уездные училища были преимущественно мужскими (совместное обучение разрешалось по Уставу 1804 года и воспрещалось – по Уставу 1828 года), а дети духовенства

в них практически отсутствовали. Отмечу, что, высветив причины почти полного отсутствия девочек в уездных училищах, соискатель не упоминает буквально абзацем ранее рассмотренный средний возраст учеников, уровень которого в условиях превращения детей в подростков, а затем – и в юношество мог негативно рассматриваться в обществе для школы с совместным обучением. Вывод о том, что уездное училище оставалось социальным лифтом, но с серьезными ограничениями, хорошо аргументирован.

Во втором параграфе главы «Регламентация школьной жизни» диссертант справедливо отмечает, что регламентация была направлена не столько на комфорт ученика, сколько на воспитание послушного подданного. Автор воссоздает строгий распорядок дня, историю введения форменной одежды (окончательно с 1834 года). А.И. Шакирова показывает, что в практике школьной жизни телесные наказания (розги и «прутики»). Приводятся конкретные примеры того, что дирекция смотрела на это без должного внимания, если учитель был трезв и лоялен. Большое место отведено «открытым испытаниям» (экзаменам), которые, как убедительно доказывает автор, выполняли не только контролирующую функцию, но и служили элементом публичной отчетности школ. Заслуживает внимания тот факт, что практика рассадки по рядам по принципу прилежания в успешности обучения и поведении от успешных на первых рядах до отстающих и «безнадежных» – на последних закрепились к 1850-м годам (с. 166-167 диссертации).

Третий параграф («Содержание образования в уездных училищах») завершает отображаемую соискателем картину внутришкольной жизни. Автор прослеживает эволюцию учебных планов (от многопредметности начала века к более строгому набору дисциплин после 1828 года), показывает судьбу прогрессивных методик. Анализ учебных программ отражает сложный баланс между государственной унификацией (внедрение единых учебников) и консервативной практикой (преобладание зубрежки). Безусловно преобладала

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ДНЕВНИК НАУКИ»

«обыкновенная метода», распространенная и позднее, во второй половине века, – механическая зубрежка, которой училищное начальство было недовольно, но искоренить не могло из-за дефицита квалифицированных кадров (с. 191-193 диссертации). В то же время автор фиксирует и позитивные сдвиги: обновление учебников, расширение библиотек за счет пожертвований, введение в конце периода пятибалльной системы оценки знаний. Вывод об унификации образовательного пространства как ключевом результате политики МНП является обоснованным.

Интересные аспекты содержатся на страницах диссертации о Белл-Ланкастерской системе (автор называет ее «ланкастерской методикой», с. 183 диссертации; хотя, полагаю, это соответствовало терминологии того времени) обучения в уездных училищах губернии. Справедливо примечая, что она особо не прижилась в губернии, автор транслирует нам озвученную в источниках причину того – отсутствие помещений для большого количества обучающихся, лишь частично затрагивая и нехватку подготовленных учителей («При этом Совет Казанского университета в 1823 г. рекомендовал для преподавания своих выпускников, имеющих навыки преподавания по новой методике», с. 187 диссертации). Однако было бы интересно мнение соискателя о том, влияли ли на неширокое распространение этой системы также нормативно-организационные аспекты и органическое несоответствие этой «фабричной» системы, близкой, очень условно сравнивая, к целям всеобуча, самой системе классно-урочного обучения с контактной работой учителя и учеников? Автор удачно сравнивает ситуацию с Белл-Ланкастерской системой в губернии с соседними. Подобные экскурсы к ближним и дальним регионам-соседям, повсеместно встречающиеся в диссертации, не только вычлениают специфические черты развития уездных училищ в нашем крае, но раскрывают видение картины проблемы исследования на мезоуровне.

Уместно было бы показать сравнительные изменения в учебных планах,

когда изменения в составе предметов и числе часов ярко могут отражать логику самых широких изменений в системе образования в целом. Здесь также встал вопрос – о параллельных классах: существовали ли таковые (полагаю да – все же виден рост учащихся в уездных училищах к середине века), когда они начали появляться? Уточнение этих вопросов прольет свет и на уточнение времени существенного роста контингента (не только общешкольного, но и поклассного, снижавшего рост расходов на отдельного ученика), этим отражая первые шаги образовательной революции).

Заключение диссертации подводит итоги, последовательно отражая логику исследования, обобщая основные научные результаты, полученные соискателем, и демонстрируя, что все поставленные задачи решены, а цель достигнута.

Приложения (списки учителей, штатных и почетных смотрителей, директоров, планы и фотографии зданий) представляют собой самостоятельную научную ценность и могут служить справочным материалом для последующих исследователей.

В целом, научная аргументация автора находится на высоком уровне. Обоснованность выводов подкрепляется применением корректных методов исследования. Все выводы подкреплены доказательствами, что делает работу объективной и достоверной. Все научные положения диссертации являются хорошо обоснованными, логически структурированными и соответствуют поставленным цели и задачам. Положения, выносимые на защиту, адекватно отражают содержание работы и полученные соискателем результаты.

Касательно *достоверности и новизны полученных результатов* отмечу следующее.

Достоверность научных положений и выводов автора обеспечивается объективным анализом и корректной интерпретацией источников, включающих как опубликованные, так и неопубликованные документы и материалы, использованием современной методологии исследования, а также

апробацией результатов работы.

Методология (соответствующий раздел дан во введении, с. 24-26 диссертации и с. 10-11 автореферата) демонстрирует органичное сочетание общенаучных принципов и специальных методов. Подсчет коэффициентов роста социальных групп учащихся (с. 151-152 диссертации) позволил автору не просто констатировать изменения, но и измерить их динамику, что придает работе особую доказательную силу.

Анализ источников выполнен квалифицированно и включает характеристику законодательных актов, делопроизводственной документации (в том числе впервые вводимых в оборот архивных материалов из ГАРТ), статистических данных и мемуаристики. Стоит отметить внимательное и повсеместное использование автором нормативных документов, не только в характеристике институциональных рамок темы, но и по отдельным вопросам – школьной формы, финансирования, статуса отдельных групп преподавателей и всей преподавательской корпорации и т.п. Соискателем использованы основные фонды госархива РТ по теме, логически отражая управленческо-делопроизводственную структуру хранения материалов – от фондов Попечителя КУО и директора народных училищ губернии до фондов смотрителей отдельных учебных заведений. Следует признать удачное включение в работу материалов школьной статистики, особенно в условиях первых шагов в формировании школьного делопроизводства, учета и отчетности в исследуемый период. Использование источников личного происхождения хотя и ограничено, но удачно дополняет картину, позволяя реконструировать «живую» ткань повседневности школьной жизни. Критическое отношение к источникам и их комплексный анализ обеспечивают высокий уровень достоверности полученных результатов.

Научная новизна диссертации не вызывает сомнений и заключается в комплексном, региональном подходе к изучению уездных училищ как особого

социокультурного института, а также во введении в научный оборот значительного массива архивных документов ГА РТ.

Впервые в отечественной историографии предпринято специальное, комплексное исследование становления и развития уездных училищ именно Казанской губернии в первой половине XIX века. До сих пор эта тема либо рассматривалась фрагментарно в общих работах по истории образования, либо изучалась на материале других регионов.

В научный оборот введен и проанализирован значительный массив ранее не использовавшихся архивных документов. Это позволило реконструировать механизмы управления на местах, проследить карьеры конкретных учителей и смотрителей, выявить реальные масштабы благотворительности и ее влияние на материальную базу школ.

Автором уточнена хронология открытия уездных училищ в губернии, показан разрыв между законодательными нормами и их практической реализацией. Впервые детально проанализирован социальный статус и образовательный ценз учительского корпуса Казанской губернии, прослежена его динамика. Выявлены уникальные черты локальной модели смешанного финансирования (государство – городские общества – благотворители), где роль меценатов была исключительно высока. Проведен сравнительный анализ социального состава учащихся в динамике, что позволило выявить влияние правительственной политики на реальный контингент школ.

Таким образом, диссертация содержит решение научной задачи, имеющей значение для понимания истории российского образования и социокультурного развития регионов.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она обогащает историографию истории образования в России, предлагая региональную модель для изучения процессов институционализации школьной системы. Выводы диссертации расширяют и углубляют существующие представления о

механизмах реализации образовательных реформ на европейской периферии империи, о взаимодействии центральной бюрократии, местной администрации и общества. Концепция «двойственности» положения директоров и штатных смотрителей, вынужденных балансировать между предписаниями центра и местными реалиями, может быть применена для анализа других управленческих практик николаевской эпохи.

Материалы диссертации могут быть востребованы при разработке учебных предметов, курсов, дисциплин, модулей по истории России XIX века, истории Казанского края, истории педагогики. Они могут служить основой для создания учебных пособий, а также в музейной и краеведческой работе.

Подводя заключение рассмотрению работы на соответствие критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученых степеней, отмечу следующее:

1. Автору в его научно-квалификационной работе удалось решить важную научную задачу, имеющую значение для отечественной исторической науки, комплексно изучив историю становления базового звена образовательной системы России на региональном материале. Полученные выводы и материалы могут быть использованы в научных, образовательных и краеведческих целях.

2. Диссертационное исследование А.И. Шакировой представляет собой самостоятельное, глубокое, завершенное, квалифицированное научное исследование, обладающее внутренней логикой и единством, выполненное на высоком профессиональном уровне. Все положения, выносимые на защиту, являются результатом личного труда автора. Они базируются на анализе уникальных архивных материалов, статистической обработке данных и сопоставлении с историографией. Личный вклад соискателя состоит во введении в научный оборот новых архивных материалов, уточнении хронологии и конкретных фактов, создании социального портрета учительства

и динамики состава учащихся, выявлении региональной специфики. Все положения аргументированы и сопоставлены с общероссийскими тенденциями и данными по другим регионам. Цель и задачи, сформулированные во введении, полностью реализованы в основном тексте и заключении. Работа основана на репрезентативной источниковой базе, содержит научно обоснованные выводы и положения, отличающиеся достоверностью и новизной. Практическая и теоретическая значимость результатов не вызывает сомнений.

3. По теме диссертации опубликовано пять статей в рецензируемых изданиях (четыре наименования журналов) и шесть работ в иных изданиях. Хронология публикаций охватывает 2020-2025 годы, что соотносится с годами обучения в аспирантуре и последующей преподавательской деятельности, указанными в отзыве руководителя и заключении организации, и свидетельствует, на мой взгляд, о, как минимум, шестилетней планомерной работе над темой исследования.

4. В диссертации присутствуют ссылки на авторов и источники заимствований в соответствии с требованиями научной этики, а сам ссылочный аппарат – обширен.

5. Высказанные в ходе рассмотрения работы замечания носят во многом уточняющий характер, являются предметом дискуссии и возможным направлением для дальнейшей разработки диссертантом темы, ни в коей мере не снижают общего высокого научного уровня диссертационного исследования.

Итак, современная историография начального образования в Казанской губернии XIX – начала XX в. характеризуется переходом от описательных и идеологически заданных подходов советского периода к комплексному, междисциплинарному изучению. Ведущими направлениями исследований становятся институциональная история, социальная антропология учительства и ученичества, экономика и управление образованием.

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ДНЕВНИК НАУКИ»

Анализ историографического поля выявил его неравномерную разработанность: наиболее полно изучены вопросы государственной образовательной политики, земской школы и социoproфессионального статуса учителей. В то же время недостаточно исследованными остаются история частных учебных заведений, гендерные аспекты, негосударственные инициативы, а также повседневность учащихся, что открывает перспективы для дальнейших изысканий.

Существенным источником для расширения исследовательского поля остаются материалы региональной периодической печати, системный анализ которых способен существенно обогатить представления об общественных настроениях и дискуссиях вокруг школьного дела. Кроме того, перспективным представляется развитие сравнительных исследований с другими регионами, а также применение методов цифровой гуманитаристики для обработки статистических массивов.

Практическая значимость заключается в систематизации накопленного знания, что создает методологическую основу для новых исследований и способствует более глубокому осмыслению механизмов взаимодействия государства и общества в сфере начального образования дореволюционной России.

Библиографический список

1. Алметева И.В., Иванов А.Г., Иванов А.А. Организация и проведение педагогических курсов в уездном городе Царевококшайске Казанской губернии в начале XX в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2025. Т. 17, № 3(75). С. 84-93.

2. Арчбасова, Н. А. Материалы периодической печати второй половины XIX - начала XX В. По истории народного образования Казанского учебного округа в диссертациях научной специальности «Отечественная История» начала XXI века // Вестник Волгоградского государственного университета.

Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2025. Т. 30, № 5. С. 59-70. DOI 10.15688/jvolsu4.2025.5.5.

3. Арсентьева А.В., Петрянкина А.П. Чебоксарское городское училище в образовательном пространстве Чувашии конца XVIII - начала XX веков // Вестник Чувашского университета. 2005. № 1. С. 3-19.

4. Ибнеева Г.В., Шакирова А.И. Материальное положение учителей уездных училищ Казанской губернии в первой половине XIX в // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2022. Т. 42, № 2. С. 234-245.

5. Железнякова Ю. Е. Отношение крестьянского населения Казанской губернии к женскому обучению в начальных школах. Вторая половина XIX - начало XX в // Вестник архивиста. 2019. № 2. С. 449-457. DOI 10.28995/2073-0101-2019-2-449-457.

6. Низамова М.С. Земства Поволжья и Урала (1864-1914): социально-экономический аспект: монография. Казань: Казанский гос. ун-т, 2009. 500 с.

7. Солдатов Я.В. Культурно-просветительская деятельность земских органов самоуправления в период Первой мировой войны на примере Казанской губернии // Научный диалог. 2013. № 11(23). С. 44-51.

8. Шакирова А.И. Становление и развитие уездных училищ Казанской губернии в первой половине XIX в.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань, 2026. 271 с.

9. Ibneyeva G.V., Shakirova, A.I. Funcionários da escola do distrito da província de Kazan no sistema de gestão escolar na primeira metade do século XIX // Revista on line de Política e Gestão Educacional, Araraquara. 2021. V. 25, n.esp. 2. P. 797-805.

10. Magsumov T.A., Nizamova M.S. The Zemstvo's Activities to Guide the Primary School Teacher Resources Formation and Support // Bylye Gody. 2016. No. 41-1(3). P. 688-697.